

О расхождениях и сходствах переносных значений некоторых образных номинаций в разговорном сегменте немецкого и русского языков

О. С. Ефимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
jefimija3@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется метафоризация немецких и русских существительных в разговорном сегменте, имеющих идентичный образ. Выявляются случаи с идентичным переносным значением в обоих языках, с разными переносными значениями, а также случаи отсутствия метафорического значения в русском языке и наличия его в немецком. Подчеркивается роль ассоциаций, возникающих в номинациях такого рода.

Ключевые слова: разговорная лексика, образность, метафора, переосмысление, ассоциация

Для цитирования: Ефимова О.С. О расхождениях переносных значений некоторых образных номинаций в разговорном сегменте немецкого и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 79–87. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_79

Original article

Differences and the Similarity of Metaphorical Meanings of Some Nouns in Spoken Modern German and Russian

Olga S. Efimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
jefimija3@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to analysis of metaphorisation of some nouns in spoken modern German and their parities in spoken modern Russian, which are based on the identical image. In the article are shown the cases of identical figurative meaning, of different figurative meaning in both languages, while retaining of identical image, the cases of the absence of figurative meaning in Russian and of the presence of this meaning in German. The importance of the associations while building of this kind of nouns is under consideration.

Keywords: colloquial vocabulary, figurativeness, metaphor, re-comprehension, association

For citation: Efimova, O. S. (2023). Differences and the Similarity of Metaphorical Meanings of some Nouns in Spoken Modern German and Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 79–87. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_79

ВВЕДЕНИЕ

Разговорная речь (просторечие) является одной из форм национального языка. Она составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации. Разговорная речь занимает промежуточную позицию между литературным языком и диалектами. «С одной стороны, разговорная речь, применяемая в повседневном обиходе, противопоставляется языку подчеркнуто литературному, книжному, научному, публицистическому, официально-деловому. С другой стороны, разговорная речь противостоит диалекту» [Девкин, 1965, с. 6].

В повседневной жизни человек использует прежде всего нейтральную лексику. Специальная лексика, встречающаяся в научном, деловом и других стилях, лишь дополняет его лексикон. В повседневном обиходе говорящий может «обходиться» нейтральными словами, только разговорный сегмент включает коллоквиализмы, экспрессивные синонимы, которые имеют нейтральные, «индифферентные» соответствия. «Чисто разговорный слой, имеющийся только в бытовой речи и нигде больше, в основе своей состоит из экспрессивных синонимов, заменяющихся (с разной степенью легкости) стилистически нейтральными словами» [там же, с. 219].

Метафоризация является одним из главных источников пополнения разговорного сегмента языка. В этой связи мы полагаем, что анализ механизма создания образных лексем актуален в лингвистике. При анализе использованных в статье коллоквиализмов применялись как общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения языковых выразительных средств в немецком и русском языках, так и методы анализа лексико-семантических вариантов значения разговорных лексем. Выявлялись особенности механизма метафоризации немецких и русских лексем, опирающихся на идентичные образы.

Лексикографическим источником исследования послужил «Немецко-русский словарь разговорной лексики» В. Д. Девкина. Для анализа и обобщения практического материала использовались следующие источники: «Особенности немецкой разговорной речи» (Девкин, 1965); «Лингвистический энциклопедический словарь» (под ред. В. Н. Ярцевой, 2002); «Das Wunder der Sprache» (ст. В. Порцига из Хрестоматии по лексикологии А. М. Искоз, А. Ф. Ленковой, 1985); «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2003).

РОЛЬ ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ РАЗГОВОРНЫХ ЛЕКСЕМ

В разговорной речи важен субъективный фактор, связанный с оценочностью. Природа человека

такова, что он постоянно сознательно или автоматически видит достоинства и недостатки объектов окружающей среды. «Оценивание присутствует во всех сферах жизни. На основе оценок формируется отношение к себе и к внешнему миру, выстраиваются взаимоотношения между людьми, принимаются многие решения, возникают уверенность или сомнения в собственной правоте при выборе предпочитаемых объектов» [Батурин, Выбойщик, 2008, с. 35].

СУБЪЕКТИВНО ОКРАШЕННЫЕ ЛЕКСЕМЫ – ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В. Д. Девкин указывает на то, что разговорные слова очень часто обозначают явления, свойства, предметы, для которых характерна определенная деструкция, несоответствие норме. Эти наименования могут относиться к сфере вещей, душевного, физического, эмоционального состояния человека, могут характеризовать поведение человека, его отношения с людьми и т. д. Всё это затрагивает интересы человека и приводит к образованию субъективно окрашенных лексем. Часто лексем подобного рода имеют негативную окраску [Девкин, 1994].

Субъективный фактор в разговорной речи играет большую роль. В конкретной коммуникативной ситуации предмет разговора не может не трогать говорящих, их заинтересованность и переживание проявляются в оформлении высказываний, в выборе языковых средств и, не в последнюю очередь, оценок. ... В разговорных оценочных словах чаще встречается отрицательная оценка, причём зачастую переосмысленная. Наблюдается положение, когда оценка сопровождается какой-либо „соназванный“ объективный предмет (*Flitter* дешевые украшения, *Muckefuck* плохой кофе, *Schmiere* захудалый театришко) [там же, с. 18].

Это явление (соединение денотативной и оценочной функций в одном слове) можно наблюдать и в русском языке: «Многие слова не только называют понятия, но и отражают отношение к ним говорящего. <...> Эмоциональная окраска слова может выразить и отрицательную оценку называемого понятия» [Голуб, 1999, с. 59].

ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ»

Большинству разговорных лексем свойственна выразительность, яркость. Основным источником создания выразительности служит использование иносказательного, образного наименования.

Слово «образный» имеет синонимы *яркий, выразительный, иносказательный, выпуклый* и связано с понятием «образ». В «Литературной энциклопедии» образ толкуется как «...всеобщая категория художественного творчества; присущая творчеству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 669]. Присвоение словам новых выразительных, ярких значений также является особой формой творческой деятельности.

ПЕРВИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВ

Причем языковые образы первичны, а художественные образы базируются на языковых. Швейцарский лингвист Ш. Балли в своей книге «Французская стилистика» рассматривает образность живой разговорной речи и противопоставляет языковые образы художественным: «Образы, наблюдаемые в риторике и литературе, обладают двумя ярко выраженными свойствами: во-первых, они представляют собой результат индивидуального творчества и возникают, чтобы произвести то или иное эстетическое воздействие на читателя или слушателя; во-вторых, эти образы никогда не являются целиком оригинальными; как правило, они представляют собой переработанные и обновленные образы разговорной речи. Следовательно, литературные образы объясняются разговорными, а не наоборот» [цит. по: Шенделева, 2000, с. 75].

МЕТАФОРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК СОЗДАНИЯ ОБРАЗНЫХ РАЗГОВОРНЫХ ЛЕКСЕМ

В основе создания различных образов и образных значений лежат два основных «механизма»: метафора и метонимия. В представленной работе анализируются только особенности процесса метафоризации.

Метафора и метонимия представляют собой семантические трансформации, т. е. такие изменения в семантической структуре слова или словосочетания, при которых на первый план выступают не прямые, а переносные значения. «Метафора – семантическое преобразование, при котором образ сформированный относительно одного класса объектов, прилагается к другому классу или представителю класса» [Стилистика и литературное редактирование, 2005, с. 414].

Немецкий лингвист В. Порциг подчеркивал, что в метафоре остается «отзвук» прямого значения слова, это делает метафору выразительной, яркой:

Sie (die Metapher) setzt voraus, dass jedes Wort in einen Bereich gehört, wo es eigentlich verwendet wird. Außerhalb dieses Bereichs steht es „übertragen“, aber es bringt dabei gewissermaßen die Luft seiner eigentlichen Umgebung mit, und darauf eben beruht seine anschauliche und eindringliche Wirkung [цит. по: Искоз, Ленкова, 1985, с. 72].

ОТСУТСТВИЕ МЕТАФОРИЗАЦИИ У НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ЛЕКСЕМ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ У СООТВЕТСТВУЮЩИХ НЕМЕЦКИХ ЛЕКСЕМ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Рассмотрим механизмы метафоризации определенных существительных в немецком и русском языках. Метафоризация охватывает различные сферы нашей жизни. Далее приводятся примеры существительных, имеющих одинаковые прямые значения в немецком и русском языках. При этом русские лексемы лишены метафорического значения.

У некоторых немецких существительных прослеживается четкая связь вторичного наименования с визуальными особенностями исходного денотата:

Waschbrett (стиральная доска) – 1) лицо в морщинах, 2) неровное полотно железной дороги;
Deckel (крышка) – головной убор;
Kartoffel (картофелина) – 1) большая дыра в чулке, 2) спустившийся мяч;
Bandwurm (ленточный червь) – нечто страшно длинное, нескончаемое;
Viele deutsche Wörter sind richtige Bandwürmer – многие немецкие существительные настоящие страшилища;
Birne (груша) – 1) голова, 2) прозвище толстощекого человека;
Gurke (огурец) – нос;
Erker (эркер, выступ) – нос;
Erbse (горошина) – голова;
Fahrgestell (шасси) – ноги;
Spazierhölzer – ноги;
Kulisse (кулиса) – маскировка;
Kürbis (тыква) – голова;
Kutsche (карга, экипаж) – «тарантас», старая машина;
Rüssel (хобот) – 1) нос, 2) рот;
Doppeldecker (двухэтажный автобус, гараж) – 1) две рюмки водки или коньяка, 2) бутерброд с двумя кусками хлеба или колбасы.

Последний пример *Doppeldecker* демонстрирует не только называние на основе визуального сходства. Два других переносных значения этой лексемы совместитель и бисексуал показывают, что номинация базируется на более «отдаленных»

ассоциациях. Лексема *ботаника* обозначает в русском языке науку о растениях, в немецком *Botanik* обозначает в просторечии природу, растительность. В данном примере наряду с метафорой присутствует метонимический перенос. Его наличие свидетельствует о том, что метафору иногда сложно отличить от метонимии.

Существительное *Kröte* (жаба) имеет переносное значение: непривлекательная женщина или жадность (во фразеологизме жаба душит). В немецком разговорном слое с жабой связываются совсем другие представления. Им соответствуют следующие слова и выражения:

Kröte – крошка, кроха (о ребенке);
faule Kröte – лентяйка;
giftige Kröte – сварливая женщина, злюка;
kleine Kröte – наглая девчонка;
eine Kröte schlucken – проглотить горькую пилюлю.

Лексема *Brauereigeschwür* (пивной живот) образована в результате соединения метафорически переосмысленного названия болезни с существительным из области, далекой от медицины, что вызывает комический эффект.

В немецком разговорном сегменте образные лексемы часто служат для обозначения людей и их негативных или положительных характеристик:

Braut (невеста) – 1) возлюбленная (фам.), 2) молодая женщина;
Affe (обезьяна), *ein dummer (blöder) Affe* (фам.) – болван;
Karton (картонная коробка) – голова, башка (шутл.), *Der hat was im Karton!* – Он соображает (у него котелок варит);
Würstchen (сосиска) – жалкий, несчастный человек;
Kratzbürste (крацовочная щётка) – ворчливая, сварливая женщина, «пила».

Т. О. Лечкина в своей работе описывает определенные зоонимы-пейоративы, которые активно используются в общении супругов с целью оскорбления, к ним, в частности, относятся лексемы: *Gans* (гусь), *Ziege* (коза), *Hammel* (баран), *Affe* (обезьяна), *Schaf* (овца): «Семантический признак “глупый” объединяет зоонимы-пейоративы *Gans*, *Ziege*, *Hammel*, *Schaf*, *Affe*, которые часто используются в супружеском дискурсе с целью оскорбления собеседника:

Du dumme Gans! // *So eine blöde Gans!* // *Dumme, blöde Ziege!* – Дурища! // *Du bist ein Hammel!* – Идиот!» [Лечкина, 2012, с. 3].

К человеку также применяются названия растений: *Tulpe* (странный), *Klette* (прилипала).

К антропологической сфере относятся также следующие образные лексемы и выражения:

Zigarre (сигара) – нагоняй;
Abstellgleis (запасной путь): *j-n auf Abstellgleis schieben* – отстранить кого-л.;
Betriebsunfall (несчастный случай на производстве) – 1) нежелательная беременность, 2) внебрачный ребенок, 3) промашка (шутл.).

Лексема *Betriebsunfall*, перешедшая из сферы производства, реализует несколько переносных значений. К лексемам подобного рода относятся коллоквиализмы:

Hirsch – молодой человек, велосипед, мотоцикл, рога носец;
Banane – вертолет (с двумя пропеллерами), нос, граната, кривые ноги;
schräg – пьяный, беспутный, нечестный, поверхностный.

АКТИВНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЗООНИМОВ В РАЗГОВОРНОМ НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

При помощи метафорического переноса зоонимов образованы глаголы:

büffeln, oxsen – зубрить,
mausen – красть,
hamstern – запасать,
affen – обезьянничать,
kälbern – дурачиться,
fuchsen – злить, надувать кого-л.,
bocken – капризничать,
luchsen – глядеть,
ferkeln – грязнить,
spinnen – врать,
unken – ныть, жаловаться,
es wurmt mich – меня гложет... (берет досада).

В русском разговорном сегменте также присутствуют зооморфные глаголы: набычиться, ершиться, ишачить, обезьянничать, окрыситься / крысятничать, свинячить, собачиться, схомячить, петушиться, попугайничать, прищучить, проворонить, раздраконить, осовет, змеиться, приголубить.

Как видно из приведенных примеров, в обоих языках активно функционирует модель метафорического переноса, связанного с использованием зоонимов. При этом новые лексемы уже относятся к антропологической сфере и имеют оценочную коннотацию. Данная закономерность еще раз наглядно подтверждает высказывание Е. М. Вольф

об оценочной функции зооморфных метафор: «Четкие и постоянные оценочные коннотации несут метафоры типа животное – человек. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат» [цит. по: Голодов, 2005, с. 126].

НАЛИЧИЕ ОДИНАКОВЫХ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ОТДЕЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ПРИ СОХРАНЕНИИ ИДЕНТИЧНОГО ОБРАЗА

В русском и немецком языках встречаются выражения, в основе которых лежит один и тот же образ, притом они имеют одинаковые значения:

j-n dreschen – измолотить (отколотить кого-л.);
Kartoffelnase – нос картошкой;
Kartoffelferien – «картошка», уборка картофеля во время осенних каникул (ГДР);
die gleiche Wellenlänge haben – быть на одной волне, быть единомышленниками;
Weiberfeind – женоненавистник;
Weißglut, j-n zur Weißglut reizen – довести кого-л. до белого каления;
Wasserstoffblondine – крашеная (химическая) блондинка;
Waschlappen – «тряпка», слабовольный человек;
Dampfross – «стальной конь» (о паровозе);
vor leeren Bänken predigen – выступать перед пустым залом;
schnell wie Feuerwehr sein – нестись как на пожар;
mir kribbelt in den Fingerspitzen – у меня руки чешутся;
du machst mir aber Freude! – ну и обрадовал ты меня!
voller Saft – в полном соку;
aus j-m Frikkasse machen – сделать из кого-л. котлету;
Froschkonzert – «лягушачий концерт»;
frisieren – что-л. «причесать», приукрасить, пригладить;
j-m kommt die Galle hoch – изливать желчь на кого-л.;
Gehirnwäsche – промывка мозгов;
Gerippe – скелет, «кащей»;
Gerüchteküche – источник слухов;
Gewitter – буча, «гроза»;
Krüppel, Du elender Krüppel! – Урод несчастный!
Krücken – «костыли» (ноги);
Grützkasten – «котелок», башка.

Можно наблюдать некоторое расхождение в элементах устойчивых словосочетаний с идентичным образом в русском и немецком языках:

Schiedsrichter ans Telefon! – Судью на мыло!

j-m etwas in den Schlund werfen – заткнуть глотку кому-л.;
dreikantig rausfliegen (rauswerfen) – выбросить (вылететь) в два счета;
Bärengesundheit – богатырское здоровье.

ВЫРАЖЕНИЕ ОДИНАКОВОГО ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РАЗНЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Иногда в основе выразительного наименования лежат разные образы, но они обозначают одно и то же:

Fettklumpen – «туша», «боров» (о чел.);
Gehirnschmalz – «серое вещество»;
Schimpfkanonade – поток брани;
auf dem Zahnfleisch gehen – тащиться на полусогнутых;
mit dem Schinken nach der Wurst werfen – менять шило на мыло;
das haut den stärksten Eskimo vom Schlitten – как обухом по голове;
bei mir ist damit Feierabend – мое терпение иссякло;
Jacke wie Hose – что в лоб, что по лбу;
Die Arbeit ist kein Frosch, sie hüpf uns nicht davon – Работа не волк, в лес не убежит;
Wo sich Fuchs und Hase gute Nacht sagen – куда Макар телят не гонял;
aussehen wie die Gans, wenn es donnert – иметь глупый вид, смотреть как баран на новые ворота;
sich wie ein Wurm winden – извиваться ужом;
dreikäsehoch – от горшка два вершка;
j-n in die Wüste schicken – отправить кого-л. в глухомань;
Warum ist die Banane krumm? – Почему? – Да потому;
Warum nimmst du mich nicht mit? – Warum, warum ist die Banane krumm? *j-n zu Brei schlagen* – побить кого-л., сделать котлету из кого-л.

АБСУРДНАЯ И ГРОТЕСКНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Процесс метафоризации иногда заостряется, усиливается, доводится до абсурда. Образ, лежащий в основе абсурдных метафор, не связан с реальностью, он нелепый, смешной. Конструкции подобного рода обладают комическим эффектом.

Некоторым немецким образным гротескным выражениям можно найти образные соответствия в русском, но иногда это сделать невозможно:

die Beine unter die Arme nehmen – бежать со всех ног;
zwei linke Hände haben – быть неловким;
auf den Ohren sitzen – быть невнимательным;

j-m ein Loch in den Bauch reden – кого-л. замучить разговорами;

j-m auf der Nase herumtanzen – садиться на шею кому-л.;

auf dem Zahnfleisch gehen – совсем обессилеть;

es zieht wie Hechtsuppe – страшный сквозняк;

ich glaub, mich knutscht ein Elch – обалдеть можно.

В русском языке тоже есть выражения подобного рода. В них утеряна связь с этимологией, и кажется, что они объединяют несовместимые понятия: телячий восторг, плакали наши денежки, профессор кислых щей, подложить свинью, отставной козы бабарабанщик, свистнуть чемодан, его ушли (уволители).

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ

В разговорной речи распространено обозначение абстрактных понятий именами конкретных предметов, например:

blauer Dunst – враки;

platt wie eine Flunder sein – очень удивиться чему-л.;

Ohrwurm – часто исполняемая мелодия, которая легко запоминается;

Schokoladenseite – внешняя, гляцевая сторона;

Wolkenkuckucksheim – пребывание в мире фантазий;

die Fußballschuhe an den Nagel hängen – оставить футбол (перестать играть).

Для обозначения абстрактных понятий в разговорном сегменте языка, как правило, используются выразительные слова и сочетания. Разговорный язык «обходится» собственным потенциалом, не используя лексемы нейтрального языка. На это указывает Н. М. Киселева и другие авторы: «Для наименования абстрактных, “высоких” понятий разговорный язык очень редко обращается к нейтральной абстрактной лексике в силу преимущественно “приземленного” характера повседневного общения. Чаще он метафорически использует имена конкретных предметов, через призму которых дается более точная наглядная характеристика абстракции, выражающих отношение к предмету вторичной номинации, например, его оценку» [Киселева и др., 2022].

ОСНОВНЫЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ, ИСПОЛЗУЮЩИЕ КОНКРЕТНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Н. В. Киселева и ее соавторы выделяют три актуальные в повседневной жизни человека нематериальные сферы: 1) бессмыслица, 2) неудача, неприятность 3) нагоняй [там же]. Далее рассмотрим

некоторые разговорные лексемы, представляющие эти сферы.

Для обозначения чепухи, бессмысленности используется лексема *Käse*. Без сыра нельзя представить повседневную жизнь немцев. Сыроварение в Германии имеет давние традиции, Германия производит несколько сотен сортов сыра, поэтому неудивительно, что лексема *Käse* – сыр в силу своей употребительности подверглась метафоризации. В выражении *Der Käse ist gegessen* (что-то ясно, решение принято) можно соотнести переносное значение с прямым (действие закончено, продукт съеден), однако в других выражениях *Käse* обозначает нечто глупое, пустое, никчемное: *Käse* (вздор, чепуха); *Das ist alles Käse!* – Всё это вздор! *großer Käse* (несусветная чушь); *billiger Käse* (что-то плохое, бездарное); *Die Veranstaltung war ein billiger Käse* – представление было плохим. Совокупность приведенных примеров немецкого словоупотребления свидетельствует о том, что название традиционного немецкого продукта в метафорическом значении утрачивает конкретность и обозначает явление из абстрактной сферы, при этом оно получает негативную окраску.

Отглагольное существительное *Quatsch* (ерунда) связано с *quatschen* (болтать, сплетничать). Оно также дает отрицательную характеристику предмета:

Die Einladung war Quatsch.

Wir waren umsonst dort.

Das war ein toller Film! – Quatsch mit Soße!

Hab mich noch selten so gelangweilt!

Эта лексема иногда употребляется для более сильного воздействия на слушателя с существительными *Soße* (соус), *Quadrat* (квадрат):

Quatsch mit Soße, Quatsch im Quadrat! – Ерунда на постном масле!

Другое существительное также из тематической группы «Продукты» *Quark* (творог) в результате метафорического переноса обозначает что-то мелкое, незначительное, пустое:

So ein Quark! – Такая ерунда!

Rede nicht solchen Quark! – Не говори такую ерунду!

Das geht dich einen Quark an! – Это тебя вообще не касается!

Jmd. versteht einen Quark davon – Кто-то ничего в этом не смыслит;

Sich in jeden Quark einmischen – совать повсюду свой нос;

Das interessiert mich einen Quark! – Это меня абсолютно не интересует!

Существительное *Zeug* (прост. плохие вещи), но в результате метафоризации получает значение «ерунда», «вздор», «чепуха»:

Red nicht so blöses Zeug! – Не говори глупости!
Du erzählst tolles Zeug. – Ты говоришь глупости.
Nichts davon ist wahr. – Здесь нет ни слова правды.

Лексема *Zimt* (корица) имеет в просторечии вещественное значение, но в результате метафорического переноса переходит в абстрактную сферу и обозначает *чушь, ерунду*:

Lass mich doch mit dem ganzen Zimt in Ruhe! Mach keinen Zimt! – Не дури!

Существительное *Schnickschack* (дребедень, некачественные вещи, безделушки), другое его значение связано уже с невещественной сферой – *ерунда, галиматья*:

allerlei Schnickschnack erzählen, Schnickschnack reden – говорить глупости, нести чушь.

Для обозначения неприятности, неудачи, ошибки (эти явления взаимосвязаны) также используются существительные, прямые значения которых связаны с предметной сферой. Лексема *Soße* (соус) обозначает в разговорном языке «грязь», его переносное значение – *неприятность, «сюрприз»*; существительное *Suppe* (суп) переходит из кулинарии в абстрактную область и является частью устойчивых выражений, имеющих часто негативные оценочные коннотации:

j-m (sich) eine Suppe einbrocken – заварить кашу, натворить дел;
j-m die Suppe versalzen – насолить кому-л.; испортить удовольствие;
j-m in die Suppe spucken – напакостить кому-л.; подложить свинью;
in eine böse Suppe kommen – нарваться на неприятность.

Существительное *Brocken* (большой кусок, ломоть чего-л.) также метафоризируется и используется в выражениях, связанных с общением, знаниями:

ein paar Brocken Deutsch können – знать несколько немецких фраз;
mit gelehrten (lateinischen) Brocken um sich werfen – кичиться своей ученостью.

Существительное *Pech* (смола) употребляется в выражении *Pech haben* – потерпеть неудачу.

Существительное из технической сферы *Fehlzündung* (отказ зажигания) в разговорном сегменте обозначает ошибку, недоразумение:

Anscheinend hatte er eine Fehlzündung. – Он, явно, совершил ошибку.
Er konnte und konnte nicht begreifen, was wir von ihm wollten. – Он никак не мог понять, чего мы ждем от него.

Другая лексема из той же сферы *Panne* (авария) переосмысливается и получает значение *неудача, прокол, срыв*:

Er hatte beim Examen eine Panne. – Он не сдал экзамен;
Mir ist die Panne passiert. Ich habe die Milch anbrennen lassen. – У меня неприятность, подгорело молоко.

С неприятностями часто связан и процесс наказания, для его обозначения в немецком разговорном языке используются лексемы из предметной сферы, но уже в метафорическом значении:

Zunder (трут) – трепка, побои: *i-m Zunder geben* – дать нагоняй кому-л.;
Zunder bekommen – получить взбучку;
Diesem Faulenzer gab ich heute ordentlich Zunder. – Я устроил сегодня хорошую взбучку этому бездельнику;
Du siehst aus, als ob du Zunder gekriegt hättest. – Ты выглядишь так, словно получил нагоняй;
eine Zigarre bekommen – получить нагоняй;
eine Zigarre verpassen – отругать кого-л.

РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ. РОЛЬ АССОЦИАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ НОМИНАЦИИ

Лексическое значение слова может интерпретироваться с разных позиций, на это указывает Н. Н. Щербакова, она подчеркивает, что «...понятие значение определяется как психологический феномен, либо как феномен, отражающий прежде всего знаковую природу языка. В случае, когда рассматривается метафора, первый из отмеченных подходов представляется наиболее продуктивным. <...> Именно ассоциативный потенциал слова становится производящей базой при образовании нового слова посредством метафоры» [Щербакова, 2004, с. 122].

Как известно, ассоциация представляет собой связь между психическими явлениями. При этом одно из явлений актуализируется, т. е. воспринимается и одновременно вызывает появление другого.

Однако один и тот же образ может вызывать у русского и немца совершенно разные ассоциации, в результате чего возникает проблема ложного толкования как отдельных лексем, так и фразеологизмов. *Käfer* говорят о привлекательной девушке, в русском языке *жук* в переносном значении обозначает пройдоху, человека себе на уме, русское *клоп* обозначает маленького ребенка и не имеет негативной коннотации, немецкое *Wanze* обозначает портативный аппарат для прослушивания, *faule Wanze* (лентяй) имеет отрицательную окраску.

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИКИ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА»

Можно наблюдать, как сходные по звучанию и происхождению слова обозначают совершенно разные понятия в немецком и русском языках, возникает проблема «ложных друзей переводчика»:

Bude – магазин, лавка;
Kolben – голова;
eine Idee – немножко, чуточку;
eine Idee Salz – чуточку соли;
Havarie – неудача, несчастье;
Karrete – старая плохая повозка;
elegant – ловко;
sich um etw. elegant drücken – ловко увернуться от чего-л.;
phantasieren – молоть вздор.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, БАЗИРУЮЩИЕСЯ НА ИДЕНТИЧНЫХ ОБРАЗАХ, НО ИМЕЮЩИЕ РАЗНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Одинаковый образ, лежащий в основе фразеологизмов, также может привести к ложному соотношению немецких и русских фразеологизмов (или перевести как свободное словосочетание):

ein Horn bekommen – набить шишку (речь не о рогах);
aus der Haut fahren – разозлиться, в русском языке – лезть из кожи вон;
j-m etwas aufs Butterbrot schmieren – упрекнуть кого-либо в чем-либо (а не « намазать бутерброд »);
einen Pudel schießen – допустить оплошность;
ein großer Hund – большая шишка, по-русски *собакой* называют негодяя; *etwas zum Besten geben* – угостить, поставить (бутылку вина), ср. рус. выдавать за хорошее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафоризация остается важнейшим источником пополнения словарного состава языка. Новые значения, появляющиеся в результате метафорического переноса в разных языках и имеющие сходные базовые образы, могут совпадать или отсылать к разным денотатам. Разные ассоциативные ряды, которые сопровождают процесс метафоризации, обусловлены разными языковыми картинами мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М.: Международные отношения, 1965.
2. Батурин Н. А., Выбойщик И. В. Оценочный стиль и его место в структуре индивидуальности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 2. С. 35–48.
3. Девкин В. Д. Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12000 слов. М.: Русский язык, 1994. С. 12–29.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Ральф, 1999.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003.
6. Шенделева Е. А. Категория образности: проблемы лексикологической интерпретации и перспективы исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Спецвыпуск). 2000. Вып. 3 (19). С. 73–79.
7. Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В. И. Максимова. М.: Гардарики, 2005.
8. Искоз А. М., Ленкова А. Ф. Хрестоматия по лексикологии немецкого языка. М.: Просвещение, 1985.
9. Лечкина Т. О. Зоонизмы-пейоративы в системе ценностей немецкого супружеского дискурса // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3. С. 36–43.
10. Голодов А. Г. Зооморфные метафоры в разговорно окрашенной специальной лексике и проблемы их перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 126–132.

11. Киселева Н. Н. [и др.] Ономазиологический аспект отражения абстракций в немецкой и русской разговорной метафорике / Н. М. Киселева, Я. Л. Горшенина, С. Ю. Полуйкова, Н. Н. Чичерина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 87–92.
12. Щербак Н. Н. Метафора и метафорическая мотивация как способы образования просторечных существительных в русском языке XVIII века // Вестник Омского университета. 2004. № 4. С. 122–125.

REFERENCES

1. Devkin, V. D. (1965). Osobennosti nemetskoj razgovornoj rechi = Special features of the German spoken language. International Relations Publisher. (In Russ.)
2. Baturin, N. A. Vyboishchik, I. V. (2008). Style assessment and its place in the structure of personality. Theoretical and experimental psychology, 1(2), 35–48. (In Russ.)
3. Devkin, V. D. (1994). Spetsifika slovaryazgovornoj leksiki = Specifics of the dictionary of colloquial vocabulary. In V. D. Devkin, Nemecko-russkij slovar' razgovornoj leksiki: Svyshe 12000 slov (pp. 12–29). Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)
4. Golub, I. B. (1999). Stilistika russkogo yazyka = Stylistics of Russian. Moscow: Ralf. (In Russ.)
5. Nikolyukin, A. N. (ed.) (2003). Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyati = Literary encyclopedia of terms and concepts. Moscow: Intelvak. (In Russ.)
6. Shendeleva, E. A. (2000). Category of figurativeness: Problems to lexical interpretation and prospects of research. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 3(19). P. 73–79.
7. Maksimov, V. I. et. al. (2005). Stilistika i literaturnoe redaktirovanie = Stylistics and text editing. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
8. Iskoz A. M., Lenkova A. F. (1985). Reading book on german lexicology. Moscow: Prosveshchenie. (In Germ.)
9. Lechkina, T. O. (2012). Zoonyms – pejoratives in the system of values of the german spousal discourse. Vestnik volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 3(10), 36–43. (In Russ.)
10. Golodov, A. G. (2005). Zoomorphic metaphors in the spoken german football language and problems of their translation. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication, 2, 126–132. (In Russ.)
11. Kiseleva, N. M., Kiseleva, H. M., Gorshenina, Ya. L., Polukova, S. Y., Chicherina, N. N. (2022). Onomasiological aspect of reflection of abstractions in German and Russian colloquial metaphors. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 1(34), 87–92. (In Russ.)
12. Shcherbakova, N. N. (2004). Metafora i metaforicheskaya motivatsiya kak sposoby obrazovaniya prostorechnykh sushchestvitel'nykh v russkom yazyke XVIII veka = Metaphor and metaphorical motivation as a way of the building of colloquial nouns in Russian in the 18th century. Vestnik Omskogo universiteta, 4, 122–125. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефимова Ольга Станиславовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Efimova Olga Stanislavovna

PhD (Philology)
Associate Professor in the Department of German Grammar and History
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.03.2023
19.04.2023
20.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication